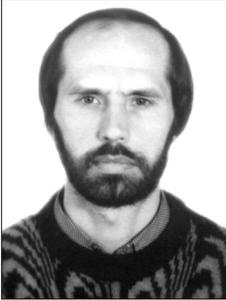

ГЕНЕАЛОГИЯ

ПРИОТКРЫВАЮЩИЕСЯ ПОКОЛЕНИЯ

(К истории ленского рода Лыхиных)*

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»,
член правления Иркутской городской
общественной организации «Родословие»,
г. Иркутск*

По существовавшей семейной легенде происхождение фамилии Лыхин связывалось с украинским словом «лихо» (читается «лыхо» — украинской букве «и» в русском языке соответствует «ы»), что означает «беда, несчастье, горе, зло». Специалисты Института русского языка Академии наук СССР, которых я некогда запрашивал по этому поводу, других вариантов происхождения фамилии назвать не смогли.

Фамилии, образованные суффиксами *-ов, -ин*, по своему происхождению — это притяжательные прилагательные, которые указывали на отношение к отцу (чей сын, чья дочь). Отсюда предполагалось, что далекий предок Лыхиных имел личное имя *Лихо (Лыхо)*, послужившее основой отчества, а затем и фамилии Лыхин. Такого рода имена давались новорожденным с профилактиче-

* Опубликовано в журнале «Тальцы». 2003. № 1 (17). С. 51–74. Для настоящего издания статья исправлена и дополнена.

скими соображениями — желанием уберечь от порчи, влияния сверхъестественных сил (из этого же ряда дохристианских личных собственных имен — Горе, Негодяй, Неудача, Нелюб и др.). На самом деле все оказалось не так. Но чтобы выяснить это, пришлось пройти немалый путь.

Интерес к своей родословной у всякого проявляется в свое время. Мне довелось почувствовать «зов крови» довольно рано. В 1960-х гг., будучи ребенком, я практически каждое лето приезжал в деревню Лыхину (сначала с родителями, а потом и одного посылали, посадив на следовавший от города Бодайбо до города Киренска колесный пароход). Хорошо помню просторный и светлый дедовский дом, обширный и слегка таинственный двор, согнувшуюся к тому времени бабушку и невысокого, но кряжистого деда. Помню деда и на колхозной конюшне, где он, сидя на низенькой скамеечке, вечно чинил разнообразную конскую сбрую. Соприкоснувшись в детстве с деревней Лыхиной, деревенской жизнью и бытом, впитав в себя все это впечатлительной детской душой, я навсегда воспринял ленские места как настоящую свою родину.

Как часто бывает, деда я расспросить не успел. Он скончался летом 1976 г., и лишь после его смерти я начал целенаправленно выяснять у отца, дяди и других родственников о своих ленских предках. Узнанное записывалось и откладывалось до следующего всплеска интереса. Новые обращения к родословной приносили дополнительные сведения. Однако все устные расспросы помогли осветить родословную лишь на несколько ближайших поколений: отца, деда, прадеда и прапрадеда Ивана Зиновьевича.

Только в конце 1990-х гг. я вернулся к давнему интересу более основательно, обратившись к материалам Государственного архива Иркутской области (ГАИО), в первую очередь к церковным метрическим книгам. Работа с ними довела родословную до конца XVIII в. Это был серьезный успех, однако вопрос о происхождении фамилии и рода по-прежнему нуждался в ответе.

Решающий прорыв удалось совершить с помощью коллеги по генеалогическим изысканиям — Георгия Борисовича Красноштанова, ленского уроженца, ныне живущего в Москве. Благодаря его любезному содействию стали известны имена «прародителей» всех ленских Лыхиных, живших в деревнях Берендиловской и Лыхинской Киренского округа Иркутской губернии. Но сначала небольшая предыстория о появлении на Лене этих поселений. Вот что Г.Б. Красноштанов сообщил мне исходя из своих много-

летних изысканий в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве.

Берендиловская деревня на реке Лене была основана в 1648 г. Гаврилкой Михайловым Берендилом важенином, т. е. выходцем с Ваги (река в Вологодской и Архангельской областях, приток Северной Двины). Ленский воевода В.Н. Пушкин писал в Москву: «Да в прошлом же, государь, во 157 [1648] году мы ж, холопы твои, в Якутском остроге промышленных людей, которые жили в Жиганах с некрещеными с якутцкими с жонками лет по пяти и по шести, и по десяти, и больши, и робят с ними прижили, взяв из Жиган и по их челобитью крестя тех их жонок, и с их прижитками, и на тех они свои[х] жонках по христианскому закону поженились, взяв по них поручные записи и дав им подмоги и [с]суды по тому ж, как прежним дано, послали их из Якутцкого вверх по Лене и велели посадить за тобою, государем, в пашенные крестьяне, трех человек по их челобитью под Верхоленским братцким остроге, где посажены первые ссыльные черкасы, десять человек на усть речке на Тутуре, а дву человек — на Чичуйском волоку.

А велено им на тебя, государя, пашни пахать ржи по десятине да овса и ячмени по другой десятине. И в том по них и поручные записи поиманы» (1).

Жиганы — это современный Жиганск, в 760 км ниже Якутска по Лене. Что-то помешало посадить упомянутых трех человек под Верхоленском, и все они были поселены на Чечуйском волоке. При этом важенин Гаврилко Михайлов Берендило дал начало будущей деревне Беренгиловой, пинежанин Вешнячко Евменьев (Тит Евменьев Вешняк) — деревне Вишняковой, устюжанин Ивашко Проккопьев Белых (он же Банщик) — селу Банщиково.

В 1654 г., через несколько лет после своего поселения на новом месте, Гаврилко Михайлов Берендило умер. На его вдове Акилине Григорьевой дочери (якутке по национальности) женился промышленный человек Алешка Тимофеев важенин, которому приписали фамилию Берендилов.

В первый период существования новое поселение не имело названия. А живших в нем пашенных крестьян подразделяли на две деревни, которые находились на расстоянии версты друг от друга. В одной, которая была выше по Лене, жили Алешка Тимофеев (Берендилов), Аксенко Михайлов, Мирошка Тимофеев Квасов.

Во второй деревне, ниже по течению Лены, жили Гаврилко Михайлов Плехан (от его прозвища, кстати, произошло название озера Плеханово в окрестностях деревни) и Матвейка Михайлов, «отставленный» служилый человек, брат Гаврилки Михайлова Берендила. Всего, таким образом, пять дворов на 1653 г.

Так, отдельно и без названий, эти деревни упоминались в документах 1654–1656 гг. Но уже с начала 1660-х гг. при многочисленных переписях и ревизиях жители обеих деревень стали записываться в одной, четвертой по счету (от Чечуйского острога вниз по Лене). Несколько позже она получила название Берендиловской. С этой деревней и связана история ленского рода Лыхиных.

Теперь обратимся к поколенной росписи. За ограниченностью места мы вынуждены взять только одну линию рода, а именно ведущую к автору сей статьи. Ее временная протяженность составила четыре столетия.

I поколение

Григорий (жил в конце XVI – начале XVII в.)

По-видимому, устюжанин. Имел сына Ивана (Ивашку), пришедшего в Восточную Сибирь.

II поколение

Ивашко Григорьев Лыха (жил в первой половине – середине XVII в.)

Устюжанин. Первый пришедший на Лену предок Лыхиных. В РГАДА в фонде Якутской приказной избы Г.Б. Красноштановым обнаружено немало документов, в которых упоминается Ивашко Григорьев Лыха. Запись в таможенной книге Якутского острога 1647 г. свидетельствует: «Июня в 27 день отпущены из таможи на соболиной промысел промышленной человек Стенька Васильев Поляков, а с ним покрученики и наемщики

наемщик **Ивашко Григорьев Лыха** устюжанин

покрученики

Онтонко Евсевьев пинежанин

Овдокимко Микифоров устюжанин

Ивашко Филипов Тобольского города

Ивашко Васильев Муруга устюжанин

Агапитко Трофимов устюжанин

Корнилко Тимофеев окруженин
Оксенко Микитин южак.

А с ними пошло хлебного запасу и промышленного заводу
Якуцкого острогу по таможенной оценке на двести на дватцать на
один рубль на десять алтын.

Отъезжие пошлины взято по алтыну с человека. Итого девять
алтын» (2).

Две другие записи, относящиеся к 1648 и 1649 гг., аналогичны. И в них Ивашко Григорьев Лыха в качестве наемщика промышленного человека Стеньки Полякова (это, кстати, известная историкам личность — сотоварищ Ерофея Хабарова в походе на Амур) отправлялся из Якуцкого острога «вниз по Лене реке и вверх по Алдану реке на соболиный промысел».

Из этих документов следует важный вывод: семейная легенда об украинском происхождении фамилии не верна. Ивашко Григорьев Лыха, три года подряд ходивший в Якутии на соболиный промысел, был устюжанином. Соответственно и объяснение его прозвища надо искать не в украинском языке. В многотомном «Словаре русских народных говоров» о значении слова «лыха» говорится следующим образом: «1. О женщине, девушке большого роста». «2. О ленивой женщине, девушке. Такие лыхи сидят дома и не хотят работать» (3).

В Великом Устюге. 2002 г.

Летом 1650 г. Стенька Поляков отправился вместе Ерофеем Хабаровым в Амурский поход. Ивашко же Григорьев Лыха остался на Лене и продолжал охотиться на соболя. В таможенной книге «Чючюйского Тунгусского волоку» 1654 г. была сделана такая запись: «Того ж дни [18 июня] отпущен с Чючюйского волоку из таможни вниз по Лене реке в Якутцкой острог для соболиного промыслу промышленной человек **Ивашко Григорьев** устюженин.

А с ним пловет выробленого хлебного запасу пятнатцеть пуд муки ржаной. А тое у него муки Чючюйского волоку по таможенной оценке на четыре рубли с полтиною. И с тое у него муки на Чючюйском волоку государевы десятой пошлины (т. е. 10%. — Ю. Л.) не взято, потому как он, Ивашко, придет [с] соболиного промыслу и у него возьметца государева десятая пошлина с ево промыслу мяхкою рухлядью вся сполна.

И с него, Ивашка, отъезжево алтын и печатных пошлин гривна, с хлебново запасу весчих пошлин по три деньги с пуда, и записной пошлины по две деньги с рубля, и всего с него, Ивашка, на Чючюйском волоку в государеву казну взято тринацать алтын две деньги.

А оброк он, Ивашка, на 162 [1653–1654] год платил в Якутском остроге» (4).

Из этого документа видно, что летом 1654 г. промышленный человек Ивашко Григорьев жил «на Чечюйском волоку», т. е. в Чечуйской волости.

Как в этот, так и в последующие годы имя Ивашки Григорьева стало записываться в документах без прозвища. А в таможенной книге Якутского острога за 1660 г. были обнаружены следующие две записи:

«Маия в 17 день явили промыслу своего промышленные люди <...> **Ивашко Григорьев**, Левка Михайлов устюжане пятнатцать соболей <...> Десятую со всей рухляди платили того ж дни» (5).

«Того ж дни [27 мая 1660 г.] приплыли с Олекмы ж реки с соболиного промыслу промышленные люди Ивашко Аникиев сысолец с товарищи дватцать один человек. Промыслу у них по пятьдесят соболей на ужину <...>

У **Ивашка Григорьева** устюжанина с товарищем с Васкою Дементьевым их промыслу, что от покрученика досталось вопче, всего семьдесят шесть соболей. Десятую платил июня в 8 день» (6).

Из этих записей получается, что в одно и то же время в Якутский острог прибыло два Ивашки Григорьева и оба они устюжане. Имена прибывших с ними товарищей при этом не совпадают. Кто в этом случае Ивашко Лыха, пока не ясно.

В 1660-х гг. оба Ивашки продолжали охотиться в Якутии, но один из них в ряде случаев обозначался другим прозвищем — «Ожега» и другим местом выхода — «Соли Вычегоцкой».

Последняя по времени запись, относящаяся к Ивашке Григорьеву (Лыхе), найдена в «книге приходной денежной казне Чечуйского острожка таможенной» за 1674 г.: «Сентября в 12 день отпущены ис Чечуйского острожку ис таможни вниз по Лене реке на дощаниках и на каюках, и на плотях на соболиной промысел промышленные люди

Ивашко да Филька Сергеевы

Стенка да Сенка Моденовы

да покрученик их Володька Мартынов

Лучка Андреев важенин

да Нестерка Федотова покрученики Афонька Яковлев, Савка Антонов промышленного человека Ганки Семенова покрученик Петрушко Иванов

Ивашко Григорьев устюженин

Никитко Тимофеев важенин

Акулко Екимов пенежанин

Гришка Иванов вычегжанин

да покрученики ево Никитка Титов

Гришка Степанов

Антонко Тимофеев

Кручинко Андреев

Савка Семенов

торговой человек Ларька Сергеев

да покрученик ево Мишка Трифимов

Ондрюшко Петров вымитин

Петрушко Осипов сысолетин

всего дватцать два человека.

А с ними отпущено выроблено[го] их хлеба четыреста сорок пуд муки ржаной. А Чечуйского острожку по таможенной оценке того у них хлебного запаса на сто на семьдесят на шесть рублей.

И с того у них хлебного запаса в казну великого государя десятой пошлины не взято, потому как они придут с соболиного промыслу в Чечуйской острожек и возметца у них в казну велико-

го государя десятая пошлина с их промышленной мяжкой рухляди, с соболей, мяжкою ж рухлядью, соболями и пупками, в Чечуйском острожке в таможене.

Явчево и отъезжих з дватцати з дву человек по два алтына с человека, итого рубль десять алтын четыре деньги взято.

Печатных пошлин по гривне с человека, итого два рубли шесть алтын четыре деньги взято.

Указных пошлин на нынешней на 183 [1674–1675] год по осми алтын по две деньги с человека, итого пять рублев с полтиною взято» (7).

Дальнейшие поиски документов об Ивашке Григорьеве Лыхе привели к неожиданной находке. В таможенной книге Якутского острога без года (но не позже 1644-го) обнаружена следующая запись: «Того ж дни [2 июля] продал промышленной человек Стефанко Васильев Поляков пинежанин тритцать шесть соболей Петра Офонасьева пежемца приказщику Ондрюшки Яковлеву Дубову. Взял тритцать рублев.

С продавца денежные порублевой пошлины взято с рубля по алтыну. Итого тритцать алтын» (8).

Далее записано, что Стенька Васильев Поляков предъявлял мягкую рухлядь за других промышленных людей, которые остались «годовать» на Алдане. И после того: «Того ж дни [2 июля] продал промышленной человек **Ивашко Григорьев Розмахнин** сорок тритцать два [72] соболя гостя Надеи Светешникова приказщику Елизарку Тимофееву. Взял пятьдесят рублев.

С продавца порублевые пошлины взято с рубля по алтыну. Итого полтора рубля» (9).

Так как Ивашко Григорьев Розмахнин в этой записи связан со Стенькой Васильевым Поляковым, надо думать, что это тот же Ивашко Григорьев Лыха. Таким образом, получается, что Розмахнин здесь — фамилия, а Лыха — прозвище Ивашки Григорьевы.

Наличие двойных именовании не являлось для того времени чем-то исключительным. Скорее, это было характерным явлением в период образования фамилий. Так, например, члены будущей царской (императорской) династии Романовых в течение XVI в. четырежды меняли свое имя: Кошкины, Захарьины, Юрьевы и, наконец, Романовы. В XVII в. всем известный Ерофей Хабаров часто писался и как Святицкий. Или еще один пример: сын основателя Берендиловской деревни Гаврилки Михайлова Берендила Лучка имел другое прозвище — Коршун. Его писали сначала — Лучка

Гаврилов Берендилов, затем — Лучка Гаврилов Коршун, иногда одновременно — Лучка Гаврилов Берендилов Коршун и, наконец, Лучка Гаврилов Коршунов. Из отцовской деревни он переселился вниз по реке Лене и положил начало деревне, которую стали звать Коршуновской.

Наконец, самый ранний из документов об Ивашке Григорьеве Розмахнине Лыхе был обнаружен Г.Б. Красноштановым в таможенной книге Олёмминского острога 148 (1639–1640) г.: «Того ж дни [конец мая 1640 г.] у промышленных людей у **Ивашка Григорьева Розмахнина**, у Федьки Яковлева с промышленных с тридцети соболей десятыя пошлины взято три соболя с пупки и с хвосты.

У них же с семи соболей и с пупки по оценке с пяти рублей и за полтину взято соболь с пупком и с хвостом» (10).

Исходя из места выхода Ивашки Розмахнина, фамилия имеет северорусское происхождение. Согласно Словарю русских народных говоров «с рóзмаху» означает «с большой силой, со всего разбега». К примеру: «Перескочить с розмаху через ров» (11). Такая фамилия встречается в переписной книге торгового и ремесленного центра Северо-Востока Руси Устья Великого 1677–1678 гг.: в «Пречистенской сотни Леонтьевской слободы Верхнего конца» жили Ромашка и Петрушка Федоровы Егозины, а «у них подворник **Ивашко Максимов Розмахнин**» (12).

Розмахнина упоминает В.А. Александров в своей книге «Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край)»: «Среди промышленников были люди, которые масштабом своих промыслов не отличались от торговых людей. Они имели покрученников и промышляли из года в год (**вымич И. Розмахнин**, сысоличи братья Малыга, Дементий и Марк Цывулевы, вымичи Ф. Кевлев, братья Трифон, Иван, Прокофий Федоровы и др.)» (13).

Имя какого-то Ивана Розмахнина встречается и в книге А.А. Ионина «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века», в которой приводится запись «из таможенной избы Ленского острогу»: «150-го [1642] году августа в 29 день, выпис ис таможенной избы таможенного головы Дружины Трубникова торговому человеку Ивашку Мокееву Пеунову, что идет с племянником ево з Демкою Меркурьевым Обуховым к Русе мяжкой рухляди 53 сорока, 35 соболей с хвосты, 54 сорока пупков соболевых, кафтан пупчатой пушен пухом бобровым, шит из своего промыслу, 4 испода шапочных пупчатых, околы соболя; двои рукавицы соболя, под ровдугю да лоскутьишко и обрески соболье, 6 бобров,

2 хошлака, 7 подчевесей бобровых. Да с ним же, Демкою, идет **умершего Ивана Розмахнина** 62 соболя с хвосты, а тое у него, Демки, всей мяжкой рухляди по ленской таможенной оценке на 2 358 рублей» (14).

Оказалось, что фамилия Розмахнин осталась и на географических картах Сибири. В «Чертежной книге Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году» на листе 16 изображена **речка Розмахнина**, правый приток Нижней Тунгуски (по всей видимости, где-то в районе современного поселка Ербогачён) (15).

Летом 2005 г., совершая поездку по югу Забайкалья, я неожиданно узнал, что в Шилкинском районе существует село, бывшая казацкая станица, под названием **Размахнино**. Более того, только что вышла книга уроженки станицы журналистки Зои Михайловны Зеленской «Казаки Размахнины», в которой в художественно-документальной форме прослежены жизненные истории представителей рода Размахниных (16). Начало этого рода идет от донского казака Федора Размахнина, который после участия в восстании Степана Разина бежал в далекую Даурию и в 1680 г. появился на берегах Ингоды. Имел Федор Размахнин трех сыновей — Ефима, Прокопия и Матвея. От старшего из них, Ефима, ушедшего на заработки, пошла отдельная ветвь Размахниных, расселившихся по Онону. Прокопий и Матвей остались на заимке отца, которая со временем превратилась в большое поселение. Сегодня фамилия Размахнин довольно распространена в Забайкалье.

Все эти разрозненные сведения образуют довольно широкий круг распространения фамилии Розмахнин (Размахнин), однако точное место выхода Ивашки Григорьева Розмахнина Лыхы до сих пор остается неизвестным.

III поколение

Кирилко Иванов Лыха (Лыхин) (1630-е? – ок. 1700)

Устюжанин. Промышленный человек, затем пашенный крестьянин. По всей видимости, сын Ивашки Григорьева Лыхы, хотя прямых доказательств их родства до сих пор не найдено.

Самое раннее упоминание о Кирилке Иванове обнаружено Г.Б. Красноштановым в фонде Якутской приказной избы РГАДА. В относящемся к 1658 г. документе сообщается: «167 [1658] году, сентября в 22 день, роспись Чичюйского волоку в таможду та-

моженному целовальнику Василью Протопопову промышленные люди

Якунька Савин, Симанко Андреев сысоличи

Кирилко Иванов, Тимошка Олексеев устюжана.

Едем мы с Чечуйского волоку вниз по Лене на соболиной промысел. А с нами идет выробленого хлебного запасу муки ржаной 40 пуд» (17).

Эта запись о Кирилке Иванове дает нам возможность судить о его возрасте. Раз пошел самостоятельно на соболиный промысел в даль сибирскую, то было ему не меньше 20–25 лет. Отсюда можно предположить, что родился он в 1630-х гг.

Следующая запись обнаружена в таможенной книге Чечуйского волока 167 (1658–1659) г.: «Июня в 8 день [1659 г.] отпущены с Чичуйского волоку из таможни вверх по великой реке Лене к Ленскому Илимскому волоку промышленные люди

Терешка Иванов галичанин

Афонька Якимов устюженин

Митко Трофимов, Никитка Тихонов важена

Стенька Дмитриев, **Кирилко Иванов** устюжана

всего шесть человек.

А с ними идет мяхкой рухляди Чичуйского волоку по таможенной оценке на семьдесят на пять рублев на дватцать на пять алтын.

Река Лена у села Чечуйска. 2000 г.

А с тое мяжкой рухляди на Чичюйском волоку в таможене государева десятая пошлина взята мяжкою рухлядью все сполна в нынешнем во 167 [1658–1659] году.

Отъезжево с них по алтыну, итого шесть алтын.

Печатного по гривне, итого дватцать алтын. Посорокового — семь денег. И всего с них взято на Чичюйском волоку с отпуску в таможни в государеву казну дватцать семь алтын з деньгою.

А оброк с них взят на нынешней на 167 [1658–1659] год на Чичюйском волоку в таможене все сполна и в приход написан в оброчной книге» (18).

В той же книге есть и другая запись, свидетельствующая об отправке Кирилки Иванова на новый промысел: «Того ж дни [29 августа 1659 г.] отпущены с Чичюйского волоку из таможни вниз по Лене реке на соболиной промысел промышленные люди

Ивашко Леонтьев усолец,

Пятуныка Семенов важенин,

Кирилко Иванов, Стенька Дмитриев устюжана,

Карпунька Тимофеев.

У него покрученик Федька Павлов вычегженин,

всего шесть человек.

А с ними пловет выробленого хлебного запасу и промышленного заводу шездесят пуд муки ржаной да промышленной старой завод.

Итого у них хлебного запасу и промышленного заводу Чючюйского волоку по таможенной оценке на тритцать рублей. И с того у них хлебного запасу и промышленного заводу на Чючюйском волоку в таможене государева десятая пошлина не взята, потому как они придут с соболиного промыслу и у них возметца государева десятая с их промыслу.

Отъезжево с них по алтыну, итого шесть алтын.

Печатного по гривне с человека, итого дватцать алтын.

И с хлебных запасов весчих пошлин по три деньги с пуда, итого тритцать алтын.

И всего с них на Чючюйском волоку в таможене в государеву казну взято рубль дватцать два алтына четыре деньги.

Оброка с них, с Ывашка с товарищи, с четырех человек, на 167 [1658–1659] год взяты на Чючюйском волоку и в приход написаны в оброшные книги.

С Карпуньки да с Фетьки оброки взяты в Енисейском остроге» (19).

О том, как закончился промысловый сезон 1659–1660 гг. у Кирилки Иванова, свидетельствует следующая запись, сделанная в таможенной книге Чечуйского волока 168 (1659–1660) г.: «Того же числа [10 апреля 1660 г.] отпущен с Чичуйского волоку из таможни вверх по великой реке Лене в Ылимской острог промышленной человек **Кирилко Иванов** устюжанин. А с ним ево промыслу мяхкие рухляди дватцать три соболи с пупки и с хвосты. А Чечуйского волоку по таможенной оценке тое у него мяхкие рухляди на дватцать на пять рублев на десять алтын.

И с той мяхкой рухляди у него, Кирилка, государева десятая пошлина плачена с тринадцати соболей в прошлом во 167 [1659] году. А з десяти соболей в нынешнем во 168 [1660] году на Чечуйском волоку в таможене в нынешнем во 168 году сполна.

Отъезжево с него, Кирилка, алтын, с оценки печатных пошлин с рубля по деньге, и посороковое с соболей, всего взято с сево отпуску пять алтын четыре деньги.

А на нынешней на 168 [1659–1660] год оброк с него, Кирилка, взят на Чечуйском же волоку в таможене и в приход записано в оброчной книге, апреля сево ж числа» (20).

Это наиболее ранние на сегодняшний день упоминания о Кирилке Иванове Лыхине. Появившись на реке Лене как промышленный человек, он каждую зиму до начала 1670-х гг. проводил в охоте на соболя. Архивных документов, подтверждающих это, сохранилось немало. Добытую «мяхкую рухлядь» Кирилко Иванов и его товарищи отвозили в Илимский острог, продавали там и снова возвращались на «великую реку Лену».

По идее, Ивашко Григорьев Лыха (Розмахнин) и Кирилко Иванов Лыха, отец и сын, должны были бы охотиться вместе. Но за 16 лет, начиная с 1658 г., когда впервые упомянут Кирилко Иванов, и по 1674 г., когда в последний раз встретилось имя Ивашки Григорьева, они ни разу не упоминаются вместе.

Промысловое внесезонье, лето, Кирилко Иванов проводил в Чечуйской волости в Берендиловской деревне, сея хлеб и нанимаясь работником на разные работы. Приведем некоторые свидетельства об этом.

В документах Якутской приказной избы Б.Г. Красноштановым было обнаружено дело о краже сошников в Берендиловской деревне: «168 [1660] году, мая в 28 день, бил челом государю, царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцу Чичуйской волости Берендиловской

деревни пашенной крестьянин Мирошка Тимофеев [Квасов] звал десяцкого той же деревни Алексея Тимофиева [Берендилова].

И пришел десяцкой Алексей Тимофеев к Мирону с понятыми пашенными крестьяны и промышленными людьми. И спросал Алексей десяцкой: Мирон, для чево ты меня, десяцково, звал? И Мирон говорил: сыщи де ты, десяцкой, пашенными крестьяны и промышленными людьми, что де у меня, Мирошки, пропали двои ральники маяя в 24 день, на поле с сох ско[ло]чены воровски.

И десяцкой Алексей допрашивал той деревни пашенных крестьян.

Аксен Михайлов, Гаврило Михайлов [Плехан] сказали: мы де того дни в полдень дома спали.

Промышленной человек Васька Борисов Хайдук: яз де был дома у хозяина у Оксена Михайлова на подворье, в полдень спал.

Да промышленные ж люди **Кирилко Иванов**, Карпушка Тимофиев, Иван Гордиев: мы де того дни ездили на мельницу на Олексееву» (21).

Олексеева мельница — это, видимо, мельница Алексея Тимофеева Берендилова. Она могла находиться на речке Мельничной, впадающей в Лену с правой стороны в 2 км ниже деревни Берендиловской.

В ужинной книге за 1661 г. найдена запись о присевке Кирилки Иванова: «На ево ж, Алешкине [Тимофеева Берендилова] земли присевка промышленного человека Кирилка Иванова. Девяносто пять снопов ячменю. По счету и по умолоту взять пятого снопа полтора пуда ячменю» (22).

В приходной книге Чечуйского волока за 174 (1665–1666) г. записано: «Дано плотнику Кирилку Иванову за работу денег полтретья [2 ½] рубли, что делал на Чечуйском волоку великих государей во дворе четыре столовые доски и ноги, и окна у избы для приезду и житья воеводы». По всей видимости, эта запись относится к лету 1666 г. Воевода, окольный князь Иван Петрович Борятинский приехал в Якутск 6 сентября 1667 г. (23).

В 179 (1670–1671) г. в челобитной «великому государю» Алексею Михайловичу целого ряда промышленных людей, среди которых был записан и Кирилко Иванов, так сказано об их занятиях: «А живем мы, сироты твои, в Чичуйской волости для соболиных промыслишков и у пашенных крестьян на время из найму в работ-

никах. А с промыслишков своих, с мяжкой рухляди, платим в твою великого государя казну десятую [пошлину]» (24).

В той же Берендиловской деревне в 1650–1660-х гг. жил «вольный пашенный крестьянин» Ивашко Степанов. Он был записан в переписной книге и за 1671 г., но там же сказано, что с 180 (1671–1672) г. пахала его вдова Марфутка Захарова. Она была дочерью устюжанина Захарки Игнатьева Малышева, основателя ленских деревень Захаровской (ныне с. Петропавловск) и Дарьиной. На этой вдове и женился давно уже обитавший здесь Кирилко Иванов. В 1671 г. тобольский сын боярский Ушаков составил перепись крестьян, в которой записано: «Кирилко Иванов сын с пасынки с Терешкою с Савкою» (25).

В 1673 г. перепись крестьян была составлена приказным человеком Чечуйской волости сыном боярским Иваном Хвостовым. В Берендиловской записано среди прочего: «Двор, а в нем живут бывшего пашенного крестьянина Ивана Степанова дети: Терешка, женат, да брат его Савка десяти лет. Да с ним ж живет вотчим их Кирилко Иванов» (26).

А у Федора Пущина, чечуйского приказчика, в переписи того же 1673 г. Кирилко Иванов был записан дважды. Первый раз как пашенный крестьянин, а второй — среди промышленных людей: «Да промышленных людей, которые женаты, а живут в Чичуйской волости: <...> Кирилко Иванов унжак. А живет по записи на срочные годы у мелнику Ортюшки в работниках» (27).

Эта запись интересна в том отношении, что Кирилко Иванов назван унжаком, а не устюжанином. Река Унжа впадает в Волгу напротив города Юрьевца, между Кинешмой и Нижним Новгородом. В XVII в. земли по Унже относились к Галичскому уезду. Начало же свое река брала на границе с Устюжским уездом. Возможно, родина Кирилки Иванова была где-то недалеко от верховьев Унжи. Места выхода часто писали по-разному. Ерофея Хабарова тоже писали двояко, то устюжанином, то выходцем из Соли Вычегодской.

Что же касается мельника Ортюшки, то его звали Ортюшка Иванов. Он был поселен в пашню в Чечуйске в 1668 г. Его потомки получили фамилию Мельниковы. В Чечуйске таких было много вплоть до XX в.

Поскольку в начале 1670-х гг. Терешка Иванов был уже женат, то он скоро отделился от отчима. В последующих по времени документах РГАДА Кирилко Иванов упоминается уже со своими сыновьями: Микиткой, Офонькой и Илюшкой. В 1680–1690-х гг.

он пахал «на великих государей полдесятины ржаные да четь десятины яровые. А пахотные под ним земли 6 десятин, а сенных покосов на 20 копен. А детей у него: Микитка, Офонька, Илюшка» (28).

В 1696 г. в списке крестьян Чечуйской волости он отмечен с прозвищем, как Кирюшка **Лыха** (29). А в ужинной книге за 1698–1699 гг. впервые записан в деревне Берендиловской как Кирилко **Лыхин** (30).

Прозвище Лыха, повторяющееся во втором поколении, дает нам основание предположить, что у Кирилки Иванова оно имело уже характер родового. В 90-х гг. XVII в. происходит трансформация родового прозвища в прозвищное отчество Лыхин, а в последующих поколениях — в фамилию Лыхин.

В начале XVIII в. Кирилко Иванов Лыхин уже не упоминается. Так, в 1701 г. без указания деревни записан «Микитка Лыхин» (31), в 1703 и 1705 гг. — «Никита Кирилов з братьями» (32). В 1707 г. в Берендиловской — «Микита Лыхин з братом» (33).

По всей видимости, около 1700 г. Кирилко Иванов Лыхин умер. Но на ленской земле остались его дети:

Микитка (род. ок. 1673).

Офонька (род. ок. 1678).

Илюшка (род. ок. 1681).

Река Унжа, Костромская область. 2002 г.

IV поколение

Афанасий Кирилов Лыхин (ок. 1678 – между 1710 и 1727)

Родился около 1678 г. Долгое время в моем распоряжении была единственная выписка из архивных документов, связывавшая поселившегося в деревне Берендиловской Кирилку Иванова Лыху с его внуком Корнилом Лыхиным. В 1727 г. в книге подушного семигривенного сбора Илимской воеводской канцелярии в Берендиловской упоминаются:

«Никита Лыхин 50 [лет]
у него сын Иван 8
у него племянники Иван 17

Корнило 15

Никифор 14
Иван 9» (34).

Из этой записи следует, что отцом Корнила был либо Офонька, либо Илюшка Лыхины, но к тому времени их обоих, похоже, уже не было в живых. (Следует отметить также, что возраст здесь указывался по соотношению с ревизией 1719 г.)

Поиски документов, проясняющих вопрос об отце Корнила, в течение длительного времени или не давали никаких результатов, или повторяли уже известное. Так, например, в «ведомости» 1750 г. о «положенных в подушной оклад государственных крестьян» по деревне Беренгиловской перечислены:

«Никита Лыхин
сын Иван
у них племянник Иван
Корнило
Никифор
Иван

у них дети Потап
Николай
Иван
Григорей
Василей
Прокопей
Семен
Семен же
Филип» (35).

Эта запись добавляет лишь правнуков Кирилки Иванова Лыхы и свидетельствует о том, что новый род на ленской земле — род Лыхиных — благополучно укоренился.

Разрешился вопрос неожиданно и не с помощью материалов архива древних актов в Москве, как ожидалось. В сохранившейся в Государственном архиве Иркутской области метрической книге Сполошинского погоста Спасской церкви за 1778 г. была найдена следующая запись: «28 января венчан Сполошенского приходу деревни Кобелевской крестьянин Василий Никитин сын Немытышев [с] Чечуйского приходу деревни Берендиловской умершаго крестьянина Корнила **Афанасиева** Лыхина з дочерию ево девицею Маврою первым браком» (36).

Эта запись позволила связать всю родословную цепочку воедино: сообщенные Г.Б. Красноштановым сведения соединились с моими посредством обнаруженных к тому времени материалов двух ревизских «скасок» — 1762 (3-я ревизия) и 1795 (5-я ревизия) гг.

17 апреля 1703 г. Афанасий Кирилов упоминался в «допросных речах» крестьян по сыску о винном курении чечуйского приказчика Кузьмы Мачехнина:

«Пашенные крестьяне [д. Берендиловской]

Родька Кирилов [Роспута]

Мартынко Иванов

Кондрашка Гаврилов [Плеханов]

Васка Никитин

Федька Дмитриев

Першка Иванов [Тетерин]

Афонька Кирилов

да промышленной Петрушка Локотков
сказали по святей непорочной евангельской заповеди господни, еже ей-ей, вправду: Кузьма де Мачехнин, как был приказщиком в Чечуйском отрошке, винного куреня и винокурной посуды — котлов и кубов, и про винные продажи в ведра и в ковши, и в чарки не видали. И сами де они, купя вина у Кузьмы Мачехнина, не пивали. А пивали де вино у Кузьмы Мачехнина они на государевские ангелы и на государевские праздники, и когда бывали де у него, Кузьмы, столы в честь, а не в покупку.

Вместо пашенных крестьян Родиона Кирилова, Мартына Иванова, Кондратя Гаврилова с товарищи по их велению Алексей Ушницкой руку приложил» (37).

Умер Афанасий Кирилов между 1710 г. (в этом году родился его младший сын Иван) и 1727 г. (в книге подушного семигровенного сбора за этот год он уже не упоминается).

Женой Афанасия Кирилова Лыхина была Марфа Еремеева (род. ок. 1674). По материалам ревизии 1762 г. она значилась «вдовой» 88 лет и жила в семье младшего сына Ивана (38). Их детьми были:

Иван (род. ок. 1702 — ум. в 1756).

Корнило (род. ок. 1704).

Никифор (род. ок. 1705).

Иван (род. ок. 1710).

V поколение

Корнило Афанасиев Лыхин (ок. 1704 – между 1767 и 1769)

Родился около 1704 г., поскольку по материалам 3-й ревизии, 1762 г., Корнилу Лыхину, пашенному крестьянину «Чечуйского острогу деревни Берендиловской», было 58 лет (39).

Некоторые архивные документы дают нам возможность слегка представить жизнь Корнила Афанасьева. Так, в описании ущерба, причиненного «потоплением Лены реки» в мае 1754 г., по Беренгиловской деревне записано: «Десятской Корнило Лыхин, пашенные Стефан Сукнев, Андрей, Семен Горбуновы, Родион Шабалин, Прокопей, Яков Исецкие, Егор Горбунов, Стефан Сукнев, Андрей, Григорей Беренгиловские, Григорей Тетерин, Иван большей Лыхин, Иван малой Лыхин, Козма, Федот Долгополовы. И оной десяцкой и пашенные крестьяне показали о сносе у них рогатого скота и всякого строения, а именно:

[У] Десяцкого Корнила Лыхина посеянного оземного хлеба шеснатцать пудов унесло, две свиньи утонули. Пахотную землю лдом выдрало. <...>

Оной Беренгиловской деревни [луг] длиною четыре с половиной версты, ширины двести сорок сажен. И того лугу кустов и озер, и подморинных мест треть луга. И на том лугу вешня[я] вода [была] на высоком месте полтора аршина, а на низких местах три сажени печатных с прибавой. И на том лугу илу и камня, хламу всякого немалое число. В том же лугу взятых в семейщики государевой пустовой земли и сенных покосов, оная земля и сенные покосы состоят впусте.

А оные пашенные написали мая з 9 числа по 16 число. В том и подписуемся» (40).

В марте 1755 г. в семье Корнилы Лыхина было записано «десять душ» (41). А в мае 1765 г., по книге отвода земель ленским крестьянам, составленной учениками Иркутской навигацкой школы Иваном Лосевым и Иваном Михалевым, семья «Корнилы Афанасьева сына Лыхина» вместе с «братом сродным» Иваном, детьми, племянниками и внуками составляла 19 человек. Значилось у Корнилы Афанасьева «11 мерин, рогатого скота 20, овец 35. Пашни владеет 1 десятину. Платят в казну правианта 60 пуд». «При оной деревне [Берендиловой] явилось пахотной земли от дворов внис по Лене реке семьдесят пять десятин с четвертью. Сенного покосу подле пахоту явилось семьдесят семь десятин с половиной. <...> Оному Лыхину отведено от межи вышеписанного Шабалина пахотной земли внис по Лене реке пятнатцать десятин, сенного покосу подле пахоту на сто на пятьдесят копен те ж пятнатцать десятин» (42).

В ревизской сказке 1762 г. была указана жена Корнилы Афанасьева: «У Корнилы жена Анна Кирилова дочь пятидесят четырех лет. Взята в замужество Якуцкого Спаского монастыря деревни Захаровой умершего вкладчика Кирила Сергеева по добровольному с обеих сторон договору» (43).

В «ведомости Чечуйского острогу» 1773 г. о платеже подушных денег было записано, что Корнило Лыхин, а также дети его Филип и Лука «умре с 763 по 769 годы. Оставшие[ся] их сродственники платят подушные деньги надежны» (44). Однако год смерти Корнилы Лыхина можно еще более конкретизировать, поскольку он упоминается в «описи» крестьян, составленной по Чечуйскому острогу в ноябре 1767 г. (45).

Дети:

Прокопей (род. ок. 1728 — ум. 10 марта 1777).

Семен (род. ок. 1735).

Семен (род. ок. 1740 — ум. в 1756).

Филип (род. ок. 1740 — ум. между 1763 и 1769).

Петр (род. ок. 1746 — ум. 7 октября 1802).

Дарья (род. ок. 1748).

Лука (род. ок. 1749 — ум. между 1763 и 1769).

Марфа (род. ок. 1752).

Мавра (это она 28 января 1778 г. бракосочеталась с крестьянином Кобелевской деревни В.Н. Немытышевым).

VI поколение

Семен Корнилов сын Лыхин (ок. 1735 — 11 мая 1797)

Родился около 1735 г. В «Описании реки Лены», составленном в том же 1735 году членом Второй Камчатской экспедиции Ильей Яхонтовым, о родной деревне Семена Корнилова (вместе с не отделившейся в документах д. Лыхиной) записано: «Берендилова деревня на левом берегу Лены. В ней 14 дворов крестьянских. Она[я] деревня продолжается на версту» (46).

Женился Семен Корнилов не рано: в ревизской сказке 3-й ревизии, проводившейся в Берендиловской деревне в июне 1762 г., ему было указано 27 лет, и был он «холост» (47). По материалам 5-й ревизии, 1795 г., ему значилось 59 лет. «У него жена Афимья Иванова дочь» 56 лет (48). Скончался Семен Корнилов Лыхин 11 мая 1797 г. (49). Его детей и внуков в деревне стали называть «Семёновскими», «Семёновух». Жена Семена Корнилова, судя по всему, умерла 21 декабря 1809 г.: «Беренгиловской деревни вдова крестьянская жена Ефимия Иванова дочь [фамилия не указана] умре, 65 [лет], в горячке», погребена «при церкви [Петропавловской] на кладбище» (50).

Дети:

Степан (род. ок. 1765).

Дарья (род. ок. 1771 г., вышла замуж «Чечуйской волости деревни Пушиной за крестьянина Андрея [Тимофеева] Никитина»).

Матрена (род. ок. 1772, «выдана в замужество Киренского округа Подкаменской волости деревни Мысовой за крестьянина Василья Кузнецова»).

Матрена (1 января 1791 г. она бракосочеталась с Ермилом Дмитриевым Горбуновым из Беренгиловской деревни).

«Феоктистя» (род. 9 ноября 1775).

Епистимия (род. ок. 1778 — ум., по всей видимости, 5 октября 1795 г.).

VII поколение

Степан Семенов сын Лыхин (ок. 1765 — 26 ноября 1838)

Родился около 1765 г., поскольку в год 4-й ревизии (1782 г.) ему было записано 17 лет (51). Жена — Гликерия Андреева дочь (урожденная Кормадонова). Родилась она около 1770 г. В ревизской сказке 5-й ревизии, 1795 г., было записано: «Взята сего [Чечуйского] острогу деревни Мудинской у крестьянина Андрея Кор-

мадонова» (52). Бракосочетались они около 1789 г. «Крестьянская жена Гликерия Андреева Лыхиных» умерла 24 марта 1832 г. (53). «Беренгиловского селения крестьянин Стефан Симионов Лыхин» скончался 26 ноября 1838 г. «от натуральной» и был погребен на кладбище Петропавловской церкви (54).

Дети:

Ульяна (род. в 1789 или 1790, 27 января 1815 г. бракосочеталась с беренгиловским крестьянином Иваном Митрофановым Тетериным).

Фадей. Родился около 1792 г.

Зиновий (род. 30 октября 1795).

Евдокия (род. 25 февраля 1798).

Евдокия (род. 27 февраля 1800).

Василий (род. 8 марта 1802 — ум. 5 апреля того же года «от кашлю»).

Евдокия (род. 30 февраля 1803 — ум. 28 марта 1819 «в коре»).

Марко (род. 28 марта 1805 — ум. 18 июля 1806).

Ирина (род. 14 апреля 1807).

С 1809 г. деревня Беренгиловская (так она стала именоваться в XIX в.) из прихода Чечуйской Воскресенской церкви перешла в приход новой церкви: записи о рождающихся, сочетающихся браком и умирающих беренгиловских жителях стали записываться в метрических книгах Петропавловского погоста Спасской церкви.

Кириак (род. 19 сентября 1809 — ум. 25 августа 1819).

Екатерина (род. ок. 1810, 8 января 1828 г. вышла замуж за «Банчековской деревни крестьянина Капитона Зарукина»).

Евдокия (род. ок. 1814 — ум. 28 марта 1819 «от кори»).

VIII поколение

Зиновий Степанов сын Лыхин (30 октября 1795 — 18 марта 1840)

Родился 30 октября 1795 г. (55). Жена — Екатерина Григорьева дочь (урожденная Никитина). В метрической книге Петропавловской Спасской церкви за 1820 г. выполнена такая запись: «19 января. Венчан Беренгиловской деревни крестьянин Зиновий Степанов сын Лыхин [с] Киренского прихода Салтыковской деревни крестьянина Григория Яковлева Никитиных дочь девицей Екатериной первым браком» (56). Умер Зиновий Степанов 45 лет «от горячки» 18 марта 1840 г. (57).

Дети:

Виктор (род. ок. 1821 — ум. до 1880).

Иван (род. 7 ноября 1822).

Анисия (род. 25 декабря 1825 — «умре 6 дней» 1 января 1826).

Панфил (род. 14 февраля 1827 — ум. после 1893)

Ксения (род. 18 января 1829 — ум. 25 января того же года).

Семен (Симеон) (род. 29 августа 1830, его крестным отцом был дед «Стефан» — ум. до 1880).

Елена (род. 7 мая 1833 — ум. 10 августа того же года).

К XIX в. деревни Берендиловская и Лыхинская, разрастаясь, слились воедино. В документах того времени указывалось только одно название — Беренгиловская (Берендиловская). Однако, по воспоминаниям стариков, нижний конец деревни по-прежнему сохранял название Лыхинского.

В середине XIX в. жители Беренгиловской, расположенной на самом берегу Лены («на яру у Верхней Курьи») и поэтому часто страдавшей от весенних наводнений, вынуждены были начать переселяться подальше от реки. При этом деревня разделилась на два самостоятельных поселения, расположившихся в одной версте от берега и на таком же расстоянии друг от друга. Часть жителей стала обустраиваться на веретье (возвышенном месте) за большим логом напротив старой деревни. Это поселение сохранило название Беренгиловской деревни. Другие решили обосноваться на взлобочке немного в стороне, на версту ближе к селу Петропавловскому. Эта деревня стала называться Лыхинской. Разделение деревень зафиксировано «предписанием» Иркутской казенной палаты от 14 октября 1852 г. за № 9430 (58). В 1855 г. в Лыхинской значилось 12 крестьянских дворов, в которых жило 49 мужчин и 39 женщин (59).

Большая часть Лыхинных переехала в Лыхинскую деревню, хотя некоторые из них поселились и в Беренгиловской. Сыновья умершего к тому времени Зиновия Степановича Лыхина Виктор, Иван, Панфил и Семен стали жить одним хозяйством в Лыхинской.

Процесс переселения растянулся не на один год. По свидетельству местных старожилов, последние жители покинули «старую» Беренгиловскую после больших наводнений 1915 и 1918 гг. Сегодня место этой деревни у «Жижиной проточки» обозначается как «Ермолкина пашня».

IX поколение

Иван Зиновьевич Лыхин (7 ноября 1822 – ок. 1900)

Родился 7 ноября 1822 г. в деревне Беренгиловской (60). Жена — Екатерина Лазаревна (урожденная Березовская). Родилась 30 октября 1819 г. в деревне Сукнёвской (61). Метрическая книга Петропавловской Спасской церкви в части «о бракосочетавшихся» содержит следующую запись, выполненную 11 июля 1855 г.: «Лыхинской деревни крестьянин Иван Зиновиев Лыхин, православного исповедания, первым браком, 33 [лет]. Девушка Екатерина Лазарева дочь Сукневской деревни умершего крестьянина Лазаря Петрова Березовского православного исповедания, 36 [лет]» (62).

По сохранившимся рассказам, Иван Зиновьевич сначала ходил на заработки в село Качуг, расположенное вверх по Лене. Оттуда он сплавлял грузы на плоскодонных судах — карбазах вниз по реке. Но потом его якобы пристыдил хозяин: «Ты что, Иван Зиновьевич, хочешь у меня весь хлеб заработать? Почему не сеешь свой?» И он занялся раскорчевкой тайги. Свободных земель в пойме Лены тогда уже не хватало. Поэтому он стал корчевать лес на начинающихся от поймы увалах, в месте, называемом «Гарью» и располагавшемся на склоне у небольшой речушки, примерно в километре от деревни. С тех пор и возникли названия по уличной фамилии братьев Зиновьевичей, идущей от прадеда Семёна: «Семёновых гарь», «Семёновых речка» (ныне речка Мостовка), «Семёновских чистка». Следом и другие мужики деревни Лыхинской стали устраивать там себе пашни. (Сегодня здесь, рядом с проложенной отсыпной дорогой из с. Петропавловска в пос. Юбилейный, находится совхозная пашня. Одна из полос этой пашни площадью в 6 гектаров 30 соток, недалеко от Лыхинского кладбища, до сих пор носит название Семёновской.)

Иван Зиновьевич был колоритной фигурой. Силу воли он имел железную. Его слово было законом для всей многочисленной семьи вместе живущих братьев. Всех он принуждал корчевать пни и распахать новую землю. В семье был установлен суровый порядок. Никто не смел его ослушаться. Уклоняющихся от работы брал за руку и выбрасывал из-за стола: «Кто не работает, тот не ест!» (От стариков сохранился рассказ, что дочери не хотели ходить на раскорчевку тайги, заявляя, что они выйдут замуж и им ничего не достанется.)

Да и вся деревня считалась с мнением Ивана Зиновьевича и побаивалась его. По воспоминаниям лыхинских старожилов, был он «среднего роста, очень плотный и имел богатырскую силу», за которую прозвали его «Утёсом», а детей его и внуков — «утёсиками» или «чембалятами» (по Чембалову утесу на р. Лене между Чечуйском и Вишняковой. Кроме того, звали их и «крохалими». «А произошло это прозвище от того, что наш прадед с семьёй корчевал пни на речке. И говорили о них: “Копаются, как крохали”».

Старики свидетельствовали, что Иван Зиновьевич сбивал кулаком с ног коня и одним взмахом сшибал кочки с барочных гребей сколько их попадало под руку. Обычные же люди не могли сбить и одной. (Кочки — это целый ряд деревянных спиц, за которые держались люди, чтобы грести пяти-шестиметровыми веслами на барках.) Однажды в драке он кулаком убил человека. За это его не посадили в тюрьму, но предупредили, что в случае повторения драки с убийством — посадят.

Занимался Иван Зиновьевич и охотой. Как-то зимой он заблудился и вернулся в зимовье через два дня. Спрашивают его: «Где был? Почему долго не возвращался?» Он только коротко ответил: «Не разговаривай, чай вари!»

Старики рассказывали: «Прибежим мы, дети, к вам в избу. Он крикнет: “Брысь, осённые поросёнки”, и мы выскакиваем на улицу».

Последние годы Иван Зиновьевич жил вдовцом, жена его Екатерина Лазаревна умерла до 1880 г. Сам Иван Зиновьевич скончался лет восьмидесяти, где-то около 1900 г.

Дети:

Егор (Георгий) (род. 1 апреля 1857).

Михаил (род. 2 июля 1860).

Анна (род. 16 октября 1864).

X поколение

Егор (Георгий) Иванович Лыхин (1 апреля 1857 – 6 апреля 1917)

Родился 1 апреля 1857 г. в деревне Лыхинской (63). При крещении в метрической книге Петропавловской Спасской церкви записан как «Георгий». Народная форма этого имени, ставшая документальной, — Егор. Жена — Марина Ивановна (урожденная Романова). Родилась 11 июля 1864 г. в деревне Сукнёвской (64). Бракосочетались 12 января 1883 г. В метрической книге Петро-

павловской Спасской церкви записано: «Жених Петропавловской волости Лыхинского селения крестьянин Георгий Иоаннов Лыхин, вероисповедания православного, первым браком, 24 [лет]. Невеста Сукневского селения крестьянская дочь девица Марина Иоаннова Романова, вероисповедания православного, первым браком, 19 [лет]» (65).

По сохранившимся рассказам, Егор Иванович был не развит и даже умственно несколько ограничен, но, как и отец, физически тоже силен. Всю жизнь семья его провела в бедности. Возглавляла семью жена, Марина Ивановна — «невысокая, худенькая» женщина.

Прожил Егор Иванович 60 лет и умер 6 апреля 1917 г. «от чахотки» (66). Был похоронен «на приходском кладбище» в селе Петропавловском. Его внук, Н.И. Лыхин (1914 г. р.), вспоминал: «Деда, Егора Ивановича, помню очень смутно. Мне было не более двух-трех лет, когда он меня кормил ядрами кедровых орехов. Налушит их и тычет пальцем по столу, приговаривая: “Тип-тип”, как зовут цыплят». Последние годы Егор Иванович болел (возможно, трахомой) и почти не работал, лежал в полушубке на гобчике у печи. Марина Ивановна скончалась 10 июля 1926 г. (67).

Дети:

Петр (род. 19 июня 1884 — ум. 1 августа того же года «от скарлатины»).

Иннокентий (род. 7 февраля 1886 — ум. 15 февраля того же года).

Елена (род. ок. 1887 — ум. 4 июня 1915 «от неправильных родов»).

Иван (род. 23 января 1888).

Никита (род. 25 сентября 1894, в 1938 был репрессирован, умер в лагере на Колыме в 1942).

Николай (род. 19 декабря 1897 — ум. 25 декабря 1985 в Киренске).

Степан (род. ок. 1900 — ум. 28 июня 1957 в Олёкминске).

Зоя (род. ок. 1907 — ум. 27 января 1960 в Олёкминске).

XI поколение

Иван Егорович Лыхин (23 января 1888 – 6 августа 1976)

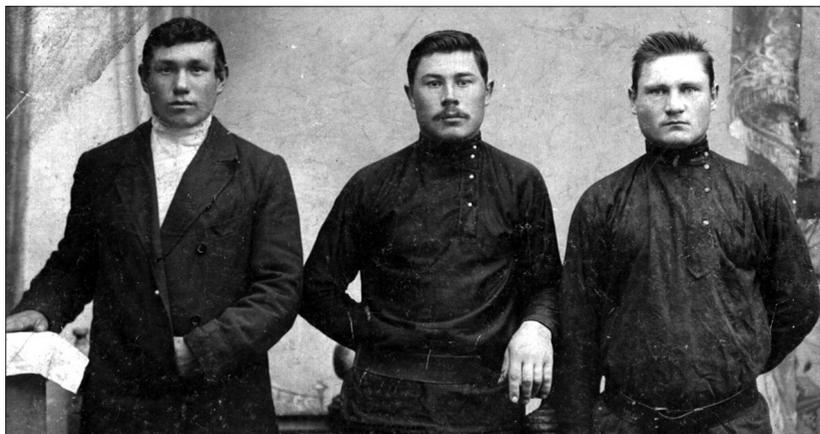
Родился 23 января 1888 г. в деревне Лыхинской. В родительской многодетной семье (выжило шестеро детей) он был стар-

шим сыном. Семья жила бедно, поэтому ни о какой учебе думать не приходилось. Своего хлеба семье хватало только до Рождества. А покупать хлеб было не на что. Поэтому лет в 11 его отдали в батраки. Был работником у зажиточного крестьянина Хохлушина в деревне Вишняковской, потом в селе Банщиковском у богача Дмитриева. Вместе с другими работниками он ухаживал за скотом, исполнял другие работы по дому и хозяйству — все, что заставят хозяева. Заработанные деньги шли на пропитание родительской семьи. «Шесть годов ходил по работам», — вспоминал он сам.

В 1905 г. 17-летний Иван «ушел в Воронцовку» — в пароходство (Воронцовский затон на р. Витиме близ с. Мама). Проплавал по Лене и Витиму, сначала матросом, потом штурвальным, семь лет. Зимой возвращался в деревню, работал в родительском хозяйстве. Силой налился. Рассказывали про него: «Якорь в 15 пудов 15 фунтов (250 с лишним кг. — Ю. Л.) на корабль занес по спору. Трое не могли занести. Он идет мимо, смеется:

- Чо вы там возитесь?
- А ты попробуй утащи.
- И уташшу.

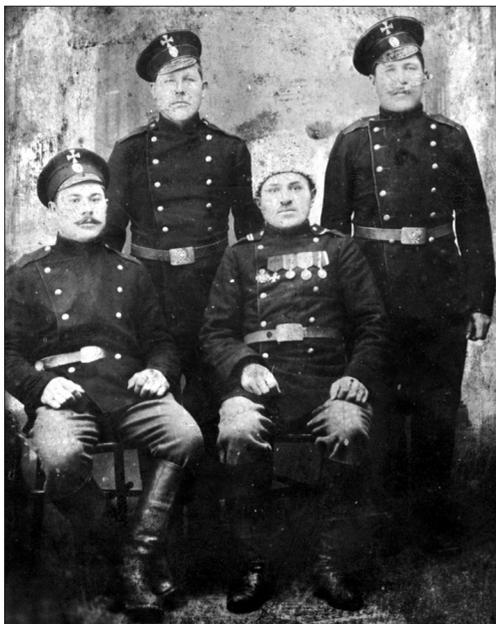
Положили на него якорь, он на трап встал — тот прогибается так, что думали — лопнет. Взмок весь, но занес. Плечи потом, говорит, неделю болели. Отдавило».

Иван Егорович Лыхин (в центре, слева – Сукнёв? справа – Романов?). 1913 г.

В 25 лет женился на Харитине Дмитриевне Таракановой (род. 19 сентября 1886 г. в с. Сполошинском) и с этого времени всецело «занялся крестьянством».

15 августа 1915 г. был взят «на войну», но в боевых действиях участия не принимал. Служил в Чите «ратником ополчения», охранял иностранных военнопленных. О пленных вспоминал с уважением, говаривал: «Хорошие люди — немцы».

Земляки на военной службе (слева направо): И.Е. Лыхин, Д.Г. Березовский, Х.И. Горбунов, Н.К. Тараканов. Чита, 1916 г.

научил его писать мало-мало. Удивлял немцев своей силой. Возьмет, бывало, двоих руками, третьего на голову посадит и по казарме пронесет. Немцы только головами качают.

Часто рассказывал об одном из армейских случаев: «В полку забава была — боролись. При командирах. От роты одного, самого сильного, выставляли: “Кто такого-то поборет?” До трех раз боролись. Однажды оборол я известного борца, силой задавил. Тот, видать, обиду за-таил. Подпил и в казарму пришел драться: “Я Лыхина угрублю!” Схватились на бетоне. Я как взял его на отмашку да оземь бросил, тот пятку и раздробил. А в сапогах были. Его комиссовали потом. А по полку приказ вышел: Лыхину не бороться больше».

В 1918 г. вернулся домой, в родную деревню и вновь принялся крестьянствовать в общей родительской семье. Где-то в 1922 г. семья умершего к тому времени Егора Ивановича Лыхина разделалась. Иван Егорович с женой и двумя детьми поселился в приобретенной старенькой, наполовину сгнившей «избёнке». По раз-

делу ему достались лошадь и годовалый жеребенок, корова, овца, вскоре сдохшая, свинья, плуг да маленький клочок земли. Хозяйство бедняцкое.

Трудное это было время для Ивана Егоровича. Пришлось заняться строительством нового дома и хозяйственных построек, раскорчевывать землю, пахать и сеять. Работа от зари и до зари. Но к концу 1920-х гг. построился, обзавелся двумя лошадьми, двумя коровами, свиньями, полным хозяйством.

Пришло время коллективизации. Сначала в деревне появилась коммуна, недолго просуществовавшая. Затем в марте 1931 г. образовался лыхинский ТОЗ, сгоняли в который насильно. «Окулачивание началось. Я крепко работал, и меня начали окулачивать. Отдал 220 пудов хлеба... Пришло время, подушки начали описывать». В это время Иван Егорович был в извозе в Бодайбинском районе. Узнав о происходящем в деревне, не стал возвращаться. «Я там зажил хорошо... 1 год и 4 месяца прожил там. Сын пишет, что плохо живем. Я получился как отходник. На приисках работал на складе, благодарности давали... Вином не захлебывался».

Родные стали собирать справки, что он никого не эксплуатировал, что сам батрачил. Его «восстановили» в Киренске, но хлеб уже не вернули. После этого возвратился в деревню, в которой устраивалась колхозная жизнь. С началом Великой Отечественной войны полуграмотный, но «умный мужик» Иван Егорович стал председателем колхоза. Под его руководством коллективное хозяйство успешно справлялось с трудностями военных лет и, несмотря на нехватку мужчин, строилось, снимало хорошие урожаи. Если в соседних колхозах голодали, то в Лыхино (так, сокра-

**Иван Егорович Лыхин.
1930-е гг.**

щенно, стали называть Лыхинскую и другие ленские деревни в советское время) на заработанные трудовни делили достаточно хлеба и других продуктов.

Однако руководящая должность давалась не просто. На нервной почве Иван Егорович нажил язву желудка и по окончании войны, после операции, от председательства отказался. Вновь стал простым колхозником, долгие годы работал конюхом.

Выйдя на пенсию, Иван Егорович, получая сначала 16, а потом 20 р., остался доживать в умирающей деревне. В связи с проводившейся кампанией укрупнения сельских хозяйств жители небольших деревень стали активно переезжать в центральные усадьбы или вообще покидать родные места. В 1969 г. в Лыхиной «домов 30, а живут только в трех. На улице ни одного человека. Тишина, только кое-где скрипят оборванные двери. Веет мертвым», — так описывала деревню в своем экспеди-

Иван Егорович Лыхин. 1971 г.

ционном дневнике Р.В. Долганова, член Ленской историко-этнографической экспедиции Иркутского госуниверситета.

Летом 1970 г. самыми последними из жителей некогда большой деревни Иван Егорович и Харитина Дмитриевна покинули Лыхину и переехали в село Петропавловск. В мае 1976 г. к ним приехали сыновья и предложили забрать их к себе. Иван Егорович отказался, сказав: «Я здесь помирать буду». Скончался он 6 августа 1976 г. и был похоронен на

**Харитина Дмитриевна Лыхина (урожденная Тараканова).
Середина 1950-х гг.**

давно облюбованном месте лыхинского кладбища рядом с могилой своей матери. Харитина Дмитриевна же уехала с сыном Николаем в город Куйбышев (ныне Самара). Там она и умерла 27 апреля 1980 г.

Вспоминая об Иване Егоровиче Лыхине, нельзя не упомянуть о том, что был он непревзойденным рассказчиком, знавшим огромное множество разных былей, баек, прибауток и т. п. Такие люди были редкостью. С большим удовольствием он рассказывал все это тем, кто готов был его слушать. Недаром известная иркутская исследовательница сибирского фольклора Е.И. Шастина, встретившая Ивана Егоровича в Петропавловске незадолго до смерти, пишет о нем как о «сказочнике» и в качестве эпиграфа к одной из глав своей книги «Сказки и сказочники Лены-реки» приводит его слова: «Сказка — это умственности последствие» (68).

Дети:

Николай (род. 3 мая /по паспорту — 18 мая/ 1914 — ум. 17 августа 2001).

Петр (род. 25 июня /по паспорту — 16 июня/ 1919).

Василий (умер во младенчестве).

XII поколение

Петр Иванович Лыхин (род. 25 /16/ июня 1919)

Родился 25 июня (по паспорту — 16 июня) 1919 г. в деревне Лыхиной. В школу пошел восьми лет. Учился в начальной трехлетней школе в родной деревне (1927–1930), затем, с четвертого класса, — в деревне Алымовке (40 км по р. Лене в сторону Киренска). В пятом классе доучился только до весны и сбежал, не поладив с хозяйкой, у которой жил на квартире. В это время рядом, в селе Петропавловске, открылась школа-семилетка. Записавшись в нее, вновь пошел в пятый класс. В 1935 г., окончив семилетку, поступил в дорожно-строительный техникум в Якутске, но через год перевелся в Якутский техникум пушно-мехового хозяйства. Учился на учетно-плановом отделении.

Техникум окончил летом 1940 г., получив специальность бухгалтера-плановика. После учебы возвратился в деревню, год проработал в колхозе. Затем вернулся в Якутск, с лета 1941 г. работал помощником бухгалтера в «Якутторге». В следующем году был взят в армию и послан в Иркутскую военную авиационную школу авиамехаников, в которой учился с июля 1942 по ноябрь 1943 г. После продолжал службу в Бирмском военно-авиационном училище летчиков (г. Черногорск Красноярского края). В каче-

Дом Ивана Егоровича Лыхина в деревне Лыхиной. 1953 г.

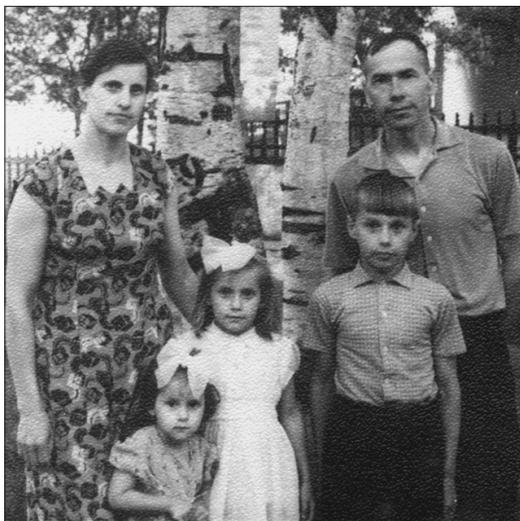
стве авиамеханика обслуживал самолеты с поршневыми двигателями — истребители «Як». В декабре 1945 г. был демобилизован в звании старшего сержанта и вернулся в родную деревню. Зиму проработал счетоводом в «Золотопродснабе» в Киренске.

В 1946 г. вновь уехал в Якутск, снова работал бухгалтером в магазинах «Якутторга». Затем в течение шести месяцев учился на курсах повышения квалификации при Якутском техникуме потребительской кооперации на старшего бухгалтера. Окончив курсы летом 1948 г., поехал по системе потребительской кооперации «Холбос» в поселок Мухтуя (ныне г. Ленск). Заболев там (нервы), бросил работу и вернулся домой.

В сентябре 1949 г. уехал в Одессу, где на Антарктической китобойной флотилии «Слава» работал его друг «Васька» Березовский. Пока оформлялся допуск за границу, трудился «в резерве» флотилии — счетным работником в бухгалтерии. После получения допуска из-за открывшегося воспаления легких пройти медкомиссию для работы в китобойной флотилии не смог. Тогда устроился матросом в Советско-Дунайское государственное пароходство (г. Измаил) и на дизель-тягаче «Саратов» отправился в плавание по Дунаю. С осени 1950 до лета 1951 г. побывал в Румынии, Югославии, Венгрии, Чехословакии. О Чехословакии (в г. Комарно простояли на ремонте четыре зимних месяца) оста-

Братья Николай Иванович и Петр Иванович (справа) Лыхины. Якутск, 1948 г.

**Семья Лыхиных (справа налево):
Петр Иванович, Юра (автор статьи),
Нина, Ирина, Елена Францевна.
Бодайбо, 1964 г.**

нович работал экономистом-нормировщиком в разных конторах системы треста «Лензолото».

Летом 1963 г. состоялся новый переезд — в районный центр, город Бодайбо. В это время в семье было уже трое детей. Петр Иванович трудился нормировщиком в техснабе треста «Лензолото», затем инженером нормативно-исследовательской группы в управлении треста. В конце 1969 г. попал под сокращение и ушел на рабочую должность — плотником РСУ (ремстройучастка). На пенсию вышел в 55 лет, как было положено в районах, приравненных к Крайнему Северу.

Летом 1974 г. П.И. Лыхин покинул Бодайбо и вместе с семьей уехал из Сибири. В течение последующих 11 лет жил в Литве, в Молдавии (г. Тирасполь), в Украине (г. Геническ и Черновцы). Осенью 1985 г., поменяв черновицкую квартиру на квартиру в Иркутске, вместе с женой вновь перебрался в Сибирь к младшей дочери и сыну. Затем снова несколько лет жизни в Литве, наконец, осенью 1992 г. окончательно вернулся в Иркутск. Жена со второй дочерью осталась в Литве. Так сложилась жизнь.

лись особенно хорошие воспоминания.

В конце 1951 г. приехал на прииск Светлый Бодайбинского района Иркутской области. Работал экономистом в приисковой конторе. Здесь познакомился с литовкой Еленой Францевной (Элена Прано) Диржюте, 2 ноября 1954 г. ставшей его женой. Со Светлого, где родился сын Юрий, молодая семья в 1955 г. переехала на прииск Кропоткин. Там Петр Ива-

Дети:

Юрий (род. 12 октября 1954).

Нина (род. 21 июня 1957).

Ирина (род. 14 января 1961).

XIII поколение

Юрий Петрович Лыхин (род. 12 октября 1954)

Родился 12 октября 1954 г. на прииске Светлом Бодайбинского района Иркутской области. Учился в Бодайбинском горном техникуме (1969–1973),

затем на историческом факультете Иркутского государственного университета (1975–1980). В 1980–1984 гг. работал в лаборатории археологии и этнографии при кафедре всеобщей истории ИГУ. Занимался исследовательской работой по теме «Бронзовый и ранний железный века Предбайкалья». Еще будучи студентом, опубликовал первые научные работы. В сентябре 1984 г. перешел на работу в Иркутский областной художественный музей, имея к тому времени давний интерес к изобразительному искусству. Исполнял обязанности заведующего

**Юрий Петрович Лыхин,
Монголия, 2008 г.**

выставочными залами музея. С 1986 по 1989 г. работал ассистентом кинооператора на Восточно-Сибирской студии кинохроники. В 1990 г. вернулся в художественный музей. Наряду с практической музейной работой активно занимался научно-исследовательской деятельностью, связанной с изучением художественной жизни Восточной Сибири. Одним из результатов научной работы стала

защищенная в 2000 г. диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Художественная жизнь Иркутска первой четверти XX века».

С 2000 г. работает ученым секретарем Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», занимаясь изучением материальной и духовной культуры русского старожильского населения Приленья. Редактор издающегося музеем научно-популярного журнала «Тальцы». Автор более 60 опубликованных работ, в том числе нескольких книг.

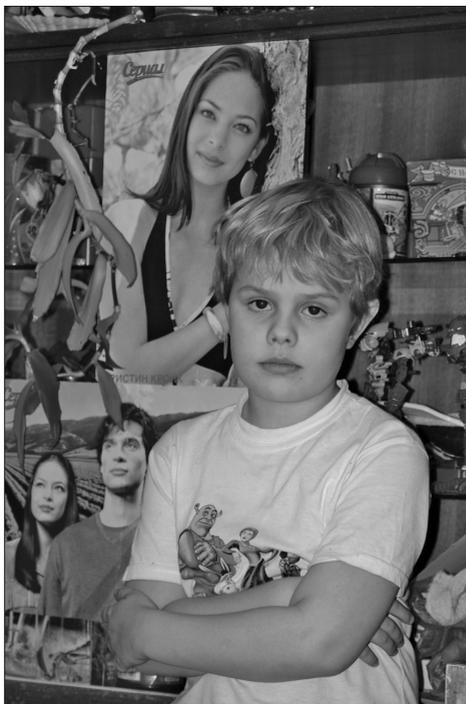
Параллельно с музейной работой вел преподавательскую деятельность: с 1992 г. в учебно-методологическом и научно-исследовательском центре «Логос», с 1998 по 2005 г. как старший преподаватель, а затем доцент кафедры философии, культурологии и социологии Иркутского института повышения квалификации работников образования.

Не представляет жизни без путешествий. Предпочитая самостоятельные путешествия пешком, на лодке, на велосипеде, побывал в целом ряде стран Азии, Европы и Америки.

Имеет двух сыновей (XIV поколение) от двух браков: Дениса Юрьевича Лыхина (род. 27 ноября 1976 г.) и Никиту Юрьевича Виноградского (род. 24 мая 1999 г.).

Денис Юрьевич Лыхин, Лаос, 2008 г.

Никита Юрьевич Виноградский.
Иркутск, 2007 г.

России, удалось обнаружить еще более древние свидетельства по сравнению с XVII в. Н.М. Тупиков в своем «Словаре древнерусских личных собственных имен» упоминает крестьянина из северо-восточной России **Федора Лыхина** — 1558 г., и новгородца **Ивана Борисова сына Лыхина**, убитого («до смерти убиша») в 1359 г. во время междоусобия в Новгороде (69).

Предпринятая летом 2002 г. поездка по Костромской (р. Унжа) и Вологодской (Великий Устюг) областям показала, что в местах «исхода» Лыхинных в Сибирь эта фамилия среди коренных не встречается. Тогда стало любопытно проследить географию распространения фамилии. Проведенная в этом направлении работа дала следующие результаты.

В XVIII в. фамилия крестьянина **А. Лыхина** упоминается в Западной Сибири в связи с расследованием дела о Толоконцевской гари (1736 г.). В показаниях А. Лыхина было подробно зафик-

К началу XX в. жившие в одной деревне и носившие одну фамилию, но относившиеся к разной «родове» Лыхины считались не больше чем однофамильцами. Род настолько разветвился, что для того чтобы определить «чей это Лыхин», необходимо было добавлять так называемую уличную фамилию: Лыхин «Ванчиковых», «Евдокимовских», «Евсеевских», «Егоровых», «Ерасовых», «Семёновских», «Фановских», «Щёголевых». (Кстати заметить, на сегодня прослежены все эти родословные линии.)

Продолжая поиски корней рода Лыхинных в европейской части

сировано учение Ивана Смирнова — старообрядца-беспоповца, одного из главных идеологов и руководителей Тарского бунта 17 мая 1722 г. Его скит, расположенный на реке Ишиме неподалеку от Тары, стал важным центром сибирского старообрядчества наиболее радикального толка. Попавший под следствие крестьянин А. Лыхин был учеником Ивана Смирнова (70).

В Восточной же Сибири Лыхины зафиксированы не только на реке Лене. Так, в одном из документов от 30 декабря 1690 г. из фонда Иркутской приказной избы РГАДА упоминается «иркуцкой казак **Афонька Семенов Лыха**, которой бежал из Ыркуцка в прошлых годах и ныне живет в Ылимском уезде в десятинной великих государей пашне» (71).

Другой документ с упоминанием его имени был опубликован в книге А.А. Ионина «Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века». В нем говорится о «доезде» иркутского казака Федора Челюшина, который был послан в Илимск «для беглого, ссыльного **Офоньки Сем. сына Лыхи**, и того де он Офоньку нашел в Илимском уезде у пашенного крестьянина у Терешки Павлова, а тот де Терешка Офоньке тесть. И на заимке де у себя он, Терешка, с ссыльным, беглым человеком, с зятем своим с Афонькою Лыхою, да с пашенным крестьянином с Абакшею, ево, Федьку, били и увечили и отбили у него, Фетки, лошадь с седлом и с потники, топор, да шубу баранью» (72).

Как удалось выяснить, Терешка Павлов сын Вологжанин и его многочисленные сыновья, получившие фамилию Вологжаниновы, жили хлебопашеством на берегах Илима в «Верхней Илимской» волости Илимского уезда. Ставший зятем Терешки Павлова и поселившийся здесь же Афонька Семенов в крестьянских книгах 1690-х и 1700-х гг. записывался не по своему прозвищу, а по фамилии Сергиев. Все эти годы он пахал «на великого государя» четверть десятины ржи, «ярового тож». Лишь в 1715 г. в «пометном списке» (план сбора хлеба с пашенных крестьян) он был записан как Афанасий Лыха. Последняя встреченная в архивных материалах запись о нем относится к 1718 г. (73).

Потомства Афонька Семенов Лыха Сергиев после себя не оставил. В одном из документов он был отмечен как бездетный. Тем не менее, по всей видимости, его прозвище дошло до наших дней среди географических названий Илимского, а позже Киренского уезда. По материалам 5-й ревизии (1795 г.), в «Верхоилимской слободе Киренской округи» Иркутского наместничества находилась деревня **Лы-**

хинская. Она располагалась на правом берегу Илима в месте впадения в него реки Большой Мячик в 189 верстах от «заштатного города Илимска». Среди ее жителей в 1795 г. никаких Лыхиных не было. По ревизской «скаске» в деревне значилось три хозяина: Осип Степанов сын Скуратов 62 лет, Егор Леонтьев сын Пушмин 54 лет и Иван Григорьев сын Барахтенков 38 лет. Они же значились «в подушном окладе» этой деревни во время предыдущей ревизии — 1782 г. (74).

В течение всего XIX в. деревня Лыхинская была небольшой и оставалась практически неизменной по количеству жителей. Так, в 1833 г. в ней было три крестьянских двора, в которых числилось 13 мужчин и 16 женщин (75), а в 1910 г. она состояла из четырех хозяйств с числом душ 17 мужчин и 13 женщин (76). В середине XIX в., судя по метрическим книгам приходской Коченгской церкви во имя Алексея Божьего Человека, в ней продолжали жить Барахтенковы и Скуратовы. Просуществовала эта деревня, сохраняя свое название, примерно до середины XX в.

Помимо илимского Лыхи стали известны Лыхины, жившие и на реке Ангаре. В 1740-х гг. по Московской дороге между Красноярском и Иркутском началось строительство и заселение почтовых станций. В ревизской сказке 3-й ревизии, проведенной на Зиминской почтовой станции в 1762 г., упоминается 80-летний «Зиминского станция ямщик, вышедшей из Балаганского острогу крестьянин Петр Васильев

Деревня Лыхина и ее последний житель – И.Е. Лыхин. 1971 г.

Здесь, у озера, в километре от реки Лены находилась деревня Лыхина. 2000 г.

сын Рубцов», а «у него жена Марья Онофрева дочь семидесять лет, взята Брацкого острогу у крестьянина **Онофрия Лыхина**». В той же сказке поясняется: «В прошлом 1747-м году по указу из Иркутской канцелярии из Балаганского острогу он, Рубцов, подписан на Зиминской станец в ямщики для содержания подводной гонбы <...>» (77). Если в 1762 г. Марии Онофриевой дочери было 70 лет, значит, родилась она в Братской волости около 1692 г.

В той же ревизской сказке был записан ее, по всей видимости, родной брат: «Зиминского станция ямщик, вышедшей из [Илимского ведомства] Яндинского острогу крестьянин **Иван Онофриев сын Лыхин** <...> В прошлом 1760-м году подписан он, Лыхин, на Зиминской станец в ямщики, а в подушном платеже в Яндинском остроге в семигривенном окладе» (78). В момент ревизии 60-летний Иван Онофриев (род. ок. 1702) жил вместе с женатым сыном Егором 24 лет и дочерью Олимпиадой 20 лет.

Егор Иванов Лыхин (ок. 1738 — после 1783) также служил ямщиком Зиминской почтовой станции. Он был женат на Акилине Никитиной дочери, взятой в замужество у зиминского ямщика Никиты Подкорытова. А их сын **Пуд Егоров Лыхин** (? — 8 сентября

1833), до конца 1790-х гг. записывавшийся ямщиком, с 1802 г. уже именовался только крестьянином.

Насколько удалось установить, среди детей Пуда Егорова был лишь один сын, умерший в 11-летнем возрасте, а все остальные — дочери. Таким образом, эта линия в XIX в. выродилась и фамилия Лыхиных на станции Зиминской Нижнеудинского уезда перестала встречаться.

Кроме того, известно, что с XIX в. немногочисленные Лыхины жили и живут по настоящее время по реке Ангаре в Мотыгинском и Богучанском районах Красноярского края.

По крайней мере, в начале XIX в. Лыхины жили и в Иркутске. Так, в «записной метрической книге градоиркутской Крестовоздвиженской церкви на 1806 год» обнаружена следующая запись: 14 мая «отставнаго салдата **Якова Лыхина** крещен сын Леонтей, у коего восприемниками были отцем лекарской ученик Алексей Третьяков, матерю отставнаго сержанта Козьмы Терентьева жена Анисия Федорова, крестил священник Алексей Колесников при дьяконе Попове» (79). В феврале того же, 1806, года 13-летний «**Василей Яковлев сын Лыхин**» значился воспитанником «Императорского военно-сиротского дома в Иркутске учрежденного» (80).

Если же говорить о европейской части России, то с начала XIX в. (если не раньше) Лыхины жили в Вятской губернии, на землях, пограничных с губернией Вологодской. Это второй крупный район обитания Лыхиных в нашей стране. В списках населенных мест Вятской губернии на 1836 г. значился починок Лыхинский Котельничского уезда, который находился в 31 версте от Котельнича (ныне это город, располагающийся на берегу р. Вятки в 87 км к юго-западу от г. Кирова). В Лыхинском починке было шесть дворов, проживало 23 мужчины и 19 женщин.

В списке населенных мест Вятской губернии 1859–1873 гг. имеются сведения уже о нескольких починках Котельничского уезда под названием Лыхины: Лыхинской (Лыхины), находящийся в 35 верстах от Котельнича; Сергинской (Лыхины) в 36 верстах; Гордеевской (Лыхины) на речке Чёрной в 70 верстах; Грединской (Лыхины) на безымянной речке в 91 версте и Ключевской (Лыхины) в 118 верстах от того же Котельнича. В них было от четырех до восьми дворов с количеством жителей от 30 до 60 человек.

По списку населенных мест Вятской губернии на 1926 г. в Котельничском уезде находились деревни Большое Лыхино(ы) в 14 дворов с 95 жителями, Малые Лыхины (10 дворов, 60 жителей) и

Лыхины (22 двора, 128 жителей) (81). Выходцев из этих деревень с фамилией Лыхины до сих пор много живет в Даровском и Котельничском районах Кировской области.

В XX в. картина расселения Лыхиных принципиально изменилась. К концу столетия все известные населенные пункты, носящие названия Лыхинских, исчезли с географических карт. Бурные события века-«волкодава» привели к тому, что большинство Лыхиных было сорвано с родных мест и разнесено по белу свету. Несмотря на то что фамилия не относится к числу распространенных, сегодня ее можно встретить по всей России, бывшим советским республикам и далеко за границей.

Подводя итог изложенному, приведем напрашивающееся сравнение. Родословное древо Лыхиных, взросшее и укоренившееся на берегах реки Лены, не выдержало напора сурового времени. Корни его подломились, могучий ствол рухнул. Но далеко разлетевшиеся созревшие жизнеспособные семена здесь и там дают новые ростки... История продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАДА. Ф. 214. Стб. 241. Л. 187.
2. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 228. Л. 222–222 об.
3. Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17. С. 227.
4. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 509. Л. 24 об.–25.
5. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 699. Л. 8–8 об.
6. Там же. Л. 25 об., 28.
7. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1122. Л. 50–51 об.
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 460. Л. 3 об.–4.
9. Там же. Л. 6 об.–7.
10. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 9. Л. 77–77 об.
11. Словарь русских народных говоров. СПб., 2001. Вып. 35. С. 162.
12. Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 145.
13. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 234.
14. Ионин А.А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века. Иркутск, 1895. С. 187.
15. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. Л. 16.

16. Зеленская З.М. Казаки Размахнины. Чита, 2005. 104 с.
17. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Д. 1210. Л. 95.
18. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 658. Л. 24 об.–26 об.
19. Там же. Л. 70–71.
20. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 711. Л. 25 об.–26 об.
21. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Д. 1354. Л. 31.
22. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 761. Л. 19 об.
23. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 886. Л. 12–12 об.
24. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. III. Д. 1800. Л. 1.
25. РГАДА. Ф. 214. Кн. 580. Л. 480.
26. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. II. Д. 1402. Л. 22.
27. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. III. Д. 1915. Л. 10.
28. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1106. Л. 634.
29. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1691. Л. 13 об.
30. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1756. Л. 16.
31. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1801. Л. 17.
32. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1906. Л. 13; Д. 1932. Л. 14.
33. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 617а. Л. 169 об.
34. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Д. 225. Л. 203–203 об.
35. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. I. Д. 1607. Л. 410 об.
36. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 10. Л. 173 об.
37. РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. I. Д. 16. Л. 32.
38. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1045. Ч. II. Л. 855 об.
39. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1045. Ч. II. Л. 856.
40. РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. I. Д. 740. Л. 98–98 об.
41. Там же. Л. 58 об.
42. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 2872. Л. 21, 22–22 об.
43. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1045. Ч. II. Л. 856.
44. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. II. Д. 3372. Л. 120.
45. РГАДА. Ф. 494. Оп. 2. Ч. II. Д. 1129. Л. 31 об.
46. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 517. Ч. I. Портфель 1. Д. 20. Л. 32 об.
47. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. I. Д. 1045. Ч. II. Л. 856.
48. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 513 об.
49. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 223. Л. 550 об.
50. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 254. Л. 199.
51. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 513 об.
52. Там же.
53. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 406. Л. 501.
54. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 524. Л. 162 об.

55. ГАИО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.
56. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 359. Л. 311 об.
57. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 544. Л. 177 об.
58. ГАИО. Ф. 696. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об.
59. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 6656. Л. 62 об.
60. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2844. Л. 46.
61. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 352. Л. 6 об.
62. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 760. Л. 448 об.
63. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 791. Л. 241 об.
64. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 876. Л. 528 об.
65. ГАИО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 9. Л. 126 об.
66. Архив управления ЗАГС администрации Иркутской области. Метрическая книга Петропавловской Спасской церкви, 1917 г. Л. 51 об.
67. Справка о смерти, выданная архивом Киренского отдела ЗАГС.
68. Шастина Е.И. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск, 1975. С. 6.
69. Тупииков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. 6. С. 688. См. также: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 16. Стб. 88, с. 22.
70. Покровский Н.Н. Новый документ по идеологии Тарского протеста // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 221.
71. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 234 а. Л. 21.
72. Юнин А.А. Указ. соч. С. 159.
73. ГАИО. Ф. р-2683. Оп. 1. Д. 78. Л. 67, 80, 98, 181, 201.
74. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 241 об.–242.
75. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 155. Л. 61.
76. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 453. Л. 58.
77. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1059. Ч. 2. Л. 954 об.
78. Там же. Л. 1050 об.
79. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 250. Л. 13 об.
80. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 89. Л. 50 об.
81. Все сведения приведены по архивной справке Государственного архива Кировской области № 1–23/84, выданной автору 4 ноября 1987 г.